

A person in a dark coat is walking away from the viewer on a rocky path through a forest. The ground is covered with vibrant orange and yellow autumn foliage. In the background, there are tall evergreen trees and a range of snow-capped mountains under a cloudy sky.

Надежда Бакина

Монолог с урной в руках

18+

Надежда Бакина

Монолог с урной в руках

<https://litres.ru/74091854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть открывает память. И что с этой памятью делать - этот вопрос не всегда получает ответ. Жизнь не всегда дает видимые смыслы. Это просто жизнь, которую мы проживаем в каждой временной точке.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Надежда Бакина

Монолог с урной в руках

Глава

Это, кстати, не та урна, что на улице для мусора, ту я поднять все-таки не смогу. Это урна с прахом. Знаете, как бывает: сначала человек умирает, потом ты занимаешься какой-то кучей дел, проводишь бессонную ночь в ожидании скорой, полиции, потом машины, которая заберет то, что недавно было родным человеком, а теперь – просто тело. «Тело». Унесут в черном огромном пакете. «Не выходите. Нас не принято провожать». А я и не так, чтобы хотела проводить, дверь к лифту порывалась открыть, чтоб удобнее было. Тело выносить.

А параллельно звонки из служб, что делать, в каком порядке, куда идти, когда идти, какие справки получать. И главное, что все, включая участкового, повторяют хором: «денег никому не давать, трубки похоронных агентов бросать».

И вот ты уже в Крематории, и в гробу лежит нечто, не имеющее к твоей жизни – и к жизни того человека – никакого отношения. Только краешек сознания отмечает, что гримеры в морге хорошие. И вот это, что лежит в гробу, укутан-

ное до подбородка, кажется, больше похоже на свою фотографию пару лет назад сделанную, чем на себя самого перед смертью.

И еще позже – ты уже стоишь с урной в руках, а там то небольшое, что осталось.

Вот так, перемахивая подробности, сознание движется по пунктирам остановок от смерти к похоронам.

Смерть – это фарс. Вернее, не так. То, во что превращают смерть живые – это фарс. Возможно, так мы спасаемся от ужаса перед ней.

Итак, урна. Урна-урна-урна. Сколько-то там грамм, в которые превратились килограммы некогда живого человека. И его жизнь, включая огромный кусок твоей. Все то, что было между вами – теперь в этой урне.

Для меня в этой урне – мама, мое детство, моя юность, моя взрослая жизнь, кусок моей души. Мама, которой уже не будет, и несказанные слова, не выплеснутые обиды, которые имеет ли смысл высказывать теперь, коли ничего не исправишь?

Я часто повторяю, что я тот человек, который умудрился разочаровать обоих своих родителей. Не единственный, но нет, я понимаю, но профессии моих родителей очень уж конкретные. Спортсмен (-ка) и художник. Мой путь был определен с рождения. И это не искусство – ранний развод родителей не дал шанса папе влиять на мое воспитание.

О спорт, ты – жизнь! «Но – не моя», - начала я добавлять

довольно рано. Потому что спортсмена из меня не вышло. Это стало очевидно к моим одиннадцати-двенадцати годам, когда остальные начали крутить двойные сальто на батуте, а я с трудом, слезами, мамиными криками и битьем (о да, она была тренером советской закалки, результат превыше всего, через унижение и боль) смогла осилить пируэт – сальто назад с поворотом на 360 градусов. Это был конец. Крах. Фиаско. В-общем, полная несостоятельность.

Впрочем, мама не уставала успокаивать себя, что мы (а, да, я забыла сказать, у меня же есть брат) занимались спортом не ради спорта, а чтобы быть при ней и при деле, мол, как только достаточно выросли, тут-то она нас и отпустила. «А иначе вы выросли бы проститутками и наркоманами!» - заверяла она с уверенностью. Но мне даже в подростковом возрасте казалось, что она этим просто оправдывает себя, то, что не могла быть с нами никогда, и потому, не имея возможности и не умея войти в нашу жизнь, она втаскивала нас в свою, потому что ей так было удобнее, вроде, на глазах, вроде, при деле, и даже с ее участием. Мама-тренер – страшное дело. Хуже, наверное, только мама-учитель.

Я маму старалась не расстраивать. Поэтому не говорила ей, что изнасиловали меня еще в мои восемь лет, когда я одна ехала домой с тренировки, у мамы была после нас еще старшая группа, а мне надо было ехать через полгорода делать домашнюю работу. А сигарету предложили в мои двенадцать. На соревнованиях, когда мы с другими спортсменами

прятались в душе от тренеров. И эти самые спортсмены прекрасно себе курили. Ага, в двенадцать. Я, правда, тогда отказалась, но не из-за благотворного влияния спорта на мою мораль, просто у меня были свои принципы. Я была – «другая». С прибабахом, определила бы это я как выросший уже человек. Поскольку я занималась спортом и в силу разных причин, тоже связанных со спортом, за десять лет обучения поменяла семь классов, ни о каких друзьях в школе говорить не приходилось. Да и какие друзья, если после окончания уроков я бежала домой, переодевалась, и, засунув в рот кусок хлеба, ехала на тренировку? Так что я была странная и одинокая, да. И в какой-то момент я это приняла и сделала своей фишкой: я – другая. Не пью, не курю, не ругаюсь матом. Так что, получается, это все-таки влияние спорта? Наверное, все-таки, одиночества и неумения быть в компании. Противопоставление себя миру. Кстати, с «пить» это не прокатило. Выпить я решилась. И не один раз. И тоже в ситуации связанной со спортом, в спортивном лагере. К этому моменту моя карьера давно закатилась (закатив перед этим глаза, чтоб только меня не видеть), но поскольку это не избавило меня от ситуации ребенка тренера, то спортивный лагерь летом меня ждал еще несколько лет. Там мне было скучно, я читала, пыталась влюбляться в мальчиков, сидела в палатах – у мальчиков – с ними мы и решили отметить день рождения ликерами. Я их, кстати, сама сварила. Время было такое, в юную постсоветскую Россию хлынули ликеры и спирт Ро-

ьяль. А паспорт тогда не проверяли. Ликеры были кофейный и банановый, с изрядной долей спирта.

В-общем, меня всегда веселила мамина уверенность, что только спорт сделал из нас нормальных людей (не уверена ни в нашей нормальности, ни, тем более, что спорт что-то там сделал), которые не закончили свои юные годы в подворотне. Давайте будем честны, нам просто повезло. Время было именно такое, либо везло, либо нет. А занимался ты спортом, ходил на кружки или бегал по крышам гаражей не гарантировало ничего. Ты просто или оказывался в не подходящем месте в не подходящее время, или автобус задерживался.

Но был еще папа. Художник. Развод родителей в мои пять лет нанес мне глубокую травму, потому что мне был задан как-то мамой вопрос, с кем я бы хотела жить, с мамой или с папой. Я тогда не понимала вопроса, разумеется, да и сейчас меня удивляет, что в те годы излета Советского Союза могла идти речь о таком, может, мама думала, что мне придется присутствовать на суде и меня спросят? Не знаю. В-общем, это разодрало тогда меня, потому что мне было всего пять лет, и папа и мама были чем-то априорно существующим, невыбираемым, частью моей жизни. А как можно выбрать, с какой частью своей жизни ты останешься, а какую больше не увидишь?

На этом, впрочем, травма закончилась. Потому что я умудрилась как-то любить папу, при этом любить отчима,

совершенно не пытаясь выбрать кого-то из них, в этом не было нужды, это были абсолютно разные люди и абсолютно разные части моей, обогатившейся отчимом, жизни.

Итак, папа. Он не говорил (что естественно, видела я его после того, как он уехал крайне редко). Но очевидно хотел, мечтал, надеялся... Вы понимаете, да? Рисовать я не умею. Абсолютно. Моим пределом оказалась птичка, перерисованная из энциклопедии. Хотя я помню, как лет в девять меня охватил зуд, мне даже купили акварель, по вечерам я сидела на кухне и рисовала. Ну, как «рисовала». Не в силах придумать сюжет, но и справиться с зудом, от которого дрожали и чесались кончики пальцев, я срисовывала животных из огромной, иллюстрированной цветными фотографиями энциклопедии. Так что зуд был, а результата – нет.

Надо сказать, мы с братом оказались оба генетически небрежны. Природа зловеще хохотала, создавая нас. Так что мне порой казалось, что мы подкидыши – ну не может быть, чтобы оба ребенка не смогли ни в чем удовлетворить родительские амбиции и мамы-спортсменки и папы-художника. Гены решили притвориться дохлыми. Только несомненное внешнее сходство – причем с обоими родителями – убеждает меня, что мы, все-таки, родные. Просто неудачные.

Может, они рано развелись, и надо было попробовать еще детей? Третий-четвертый-пятый могли выйти лучше? Чтоб небольшой такой чемпион России? Или ученик художественной школы, не расстающийся с мольбертом?

Помнится, уже достаточно взрослой, я задала маме вопрос: «Мама, я понимаю, почему вы развелись. Но почему вы поженились???» Мама ответила, что познакомилась с папой в спортивном лагере, красавец-боксер, решила она. Потому что не знала, что бокс был лишь, как сказали бы мы на пару десятков лет позже, хобби. А вот призвание принять она, конечно, не смогла. Попробовала – мы с братом результат этой пробы – но не смогла. Так что имейте в виду, юноши, во избежание дальнейших разочарований, лучше сразу грамотно себя презентовать.

Хорошо бы идти по жизни, будучи уверенным, что идешь своим путем, а не сгибаться под грузом неудовлетворенности, которую испытывают сразу двое, притворяясь порой, что им интересна (раз уж очевидно непонятна) твоя жизнь. Хорошо бы не слышать слов гордости о твоих мнимых достижениях. Как будто без этого ты – не ты. Как будто эти достижения чего-то стоят, как будто это добавляет что-то ко мне. Ничего. Это может добавить что-то лишь тому, кто гордится. Потому что разочарование осталось.

Из минусов – со мной всегда третий человек, которого я разочаровала. Это я. Считывание ожиданий и несоответствие им привело к неким ожиданиям от себя. Быть хорошей. Нравится – это вообще черта многих, если не всех, нелюбимых детей. А маминой любовью мы похвастать точно не могли. Быть мягкой, спокойной, умной... Да-да-да, вот эта нервная импульсивная, легко теряющая контроль над со-

бой девица думала – а в детстве мне удавалось все свое заглушить, оно выливалось лишь по ночам потоками энуреза, – что она именно такая. Спокойная. Мягкая. Умная. Мудрая. Вежливая. Интеллигентная. Ну да, ну да...

Мое детство пришлось на конец Советского Союза, я помню, как на Шаумяна, где мы тогда жили, встали все (ну, для того времени – все, штуки три на весь неширокий проспект с полосой каштанов посередине) машины и протяжно сигналили. Дома я узнала, что умер Черненко. Узнала без печали, и дома не печалились. Умер и умер. Как я теперь часто говорю (а я дожила до того возраста, когда вокруг меня часто умирают): «имел право». В силу возраста – уж точно имел. Право на смерть без печали о безвременности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.